

Олеся Дерби

Догоняя рассветы

Истории из жизни

Олеся Дербя

**Догоняя рассветы.
Истории из жизни**

«Издательские решения»

Дерби О.

Догоняя рассветы. Истории из жизни / О. Дерби —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856855-8

Мы устремляемся за рассветами и счастьем, желая иметь и то и другое. А когда Счастье появляется, не замечаем его, проходим мимо открытой в него двери. И снова спешим догнать рассвет. О двери, приглашающей встретить и рассмотреть Счастье, но в которую мы почему-то боимся войти, написаны предлагаемые вам жизненные истории.

ISBN 978-5-44-856855-8

© Дерби О.
© Издательские решения

Содержание

Самая красивая и драчливая	6
Жили. Были...	8
Наивный. Добрый. Чистый	8
Михаллна	10
Заноза	13
Спасибо!	15
Мания преследования	17
Карлсон	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Догоняя рассветы Истории из жизни

Олеся Дерби

Брату Денису

Помни о том, что мир боготворит оригиналы. Оставайся собой!

Дизайнер обложки Наталья Залесова

Корректор Анатолий Заплатин

© Олеся Дерби, 2024

© Наталья Залесова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4485-6855-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самая красивая и драчливая

– Фамилию менять будете? – привычно равнодушно и заученно спросила сотрудница загса, разглядывая свои алые лаковые ногти.

– Да! – торжественно выпалила я.

Мой будущий муж чуть не рухнул со стула:

– Но... Ты же не хотела...

– А вот теперь хочу!

За несколько недель до этого дня я сомневалась: брать фамилию мужа или остаться со своей девичьей. Такой красивой, звучной и такой, как мне казалось, известной в рекламных кругах.

Избранник был не против, чтобы я оставила свою: Заплата. «От слова «платина», – так обычно комментировала по телефону новым клиентам, намекая на драгоценную породу в основе. Его же фамилия – Дербилов – казалась мне очень неблагозвучной, некрасивой.

– Ты будешь драться! – подытожил мои сомнения шеф. – Шикарная фамилия! Она может кардинально изменить твою судьбу.

– В каком смысле – драться? – растерялась я.

– Фамилия как бы говорит тебе: «Дери Биллов» (Клинтона это не касается). Ну так надери всем... Покажи, на что способна Олеся Дербилова.

На следующий день я полезла в интернет. Отыскала в Одноклассниках группу «Дербиловы всех стран, объединяйтесь!» Списалась с одной девушкой. Нашла дальних родственников мужа, известных и медийных лиц с такой же фамилией.

Так вот. По поводу того, что следует драться, шеф оказался прав. Старорусское значение моей новой фамилии происходило от слов «дерись» и «бить». Ещё одно значение пошло от графа Дерби, английского сталепромышленника, решившего в 18-м веке построить завод в России, взяться за дело вместе с сыновьями-наследниками. А поселился заморский господин для этой цели в глухом подмосковном местечке.

История о титулах не давала мне покоя. Как-то поделилась с одним из клиентов своими исканиями. Он кашлянул. Поправил очки. И сказал, что его предки священнослужители. Поляки, которые приехали в Россию ещё при Петре I и служили в часовенке, стоящей аккуратно напротив Кремля. Собеседник посоветовал мне заняться составлением генеалогического древа своего теперешнего рода.

– Ну, графиня ибн ДЕРБИлова! – то ли в шутку, то ли всерьёз «титоловал» он меня тогда. – Не прощаемся. Успешной жизни под новой фамилией!

Дальше было ещё интереснее. Параллельно с моими поисками предков мужа, брат начал откапывать корни наших. И нашёл! Княжеское родовое поместье Заплатиных где-то в средней полосе России. Так выходит, я сама голубых кровей? Вот это да! Удивилась и понеслась к новоиспечённому графу с докладом. Мол, супруга Ваша не из простых крестьян будет.

Муж к этим историям относился скептически. Говорил, что в нём течёт рабоче-крестьянская кровь тружеников от сохи. Но! Его манеры. Поведение. Фигура. Они больше походят на графские, чем на холопские. Подтверждением этого стал взгляд со стороны. Его готовили к наркозу. Предстояла сложная операция по спасению сломанной руки. Хирург не уставал восхищаться аристократичностью длинных пальцев и тонкой изящности кисти пациента. После этого граф ДЕРБИлов наконец-то уверовал в своё происхождение.

Размышляя над своим древом жизни, пришла к итогу-выводу: не так важно, кто были мои предки – дворяне или крестьяне. Главное, они оставили пометку в истории семьи. Как и весомый след в истории страны. Не случайно ведь англичанин Дербь приехал в Россию – пожелая внести вклад в её скорейшее развитие, не жалея средства и здоровья. Не случайно поляки-священники, предки моего клиента, приехали говорить про слово Божие именно в столицу. Как и многие другие иностранцы, селившиеся в городах и сёлах на русской земле и помогавшие так или иначе процветанию России. В каждом из нас живёт дух предков. Неважно, какой именно национальности принадлежащий. Главное, мы чтим память о них, заслуги, помним о своих корнях.

...А теперь по поводу «надрать всем». Я взялась за это дело где-то через неделю после свадьбы. Из мягкой и неуверенной в себе мямли превращалась в женщину-рысь. Нет, в поисках добычи не набрасывалась на людей. Просто начала ощущать в себе твёрдую уверенность во всём, что делаю, чего хочу и чего добыюсь. Даже стала гордиться своей новой фамилией. И не потому что «ибн графиня», вовсе нет. А потому что она подлинно красивая, очень благозвучная и самая «надратистая» на всём белом свете!

Жили. Были...

Наивный. Добрый. Чистый

Серёжа. У него зелёные глаза и льняные волосы. Нежные руки и тонкие ноги. Улыбка до ушей. Поистине мальчик-колокольчик. Студент-первокурсник, будущий хореограф. Наивный, добрый и чистый. Мне, уже получающей диплом, он казался пришельцем из другого мира. Конечно, я тогда и не думала влюбляться, но всё же рванула на край Вселенной. Туда, где омут, где илистое скользкое дно.

Учебный год стремительно летел, размахивая обширными крыльями новых знаний. Грея душу нежданной любовью, я познакомила Серёжу со своими родителями. Помню, было 8 марта. Стояла ранняя оттепель. И так кстати собрались три выходных дня. Когда провожала суженого на автобус, пошёл дождь. И мы, пока шли на автовокзал, промокли. Тогда он говорил, что явно небо плачет по одной причине – не желает нашей разлуки. (Эти слова почему-то мне запомнились. Раньше, когда лил дождь, повторяла их, произносила слово в слово. Теперь же, накормленная страданиями до отвала, предпочитаю более яркие, радостные слова и мысли).

А потом было лето. У меня возник небольшой отдых и начались поиски работы. На него в это же время навалились деревенские дела. Я бегала на телеграф, что позвонить в далёкие края. Увы, каждый раз дома его не заставала.

Сентябрь пришёл молчаливым и хмурым. Новый учебный год я начала уже как педагог и режиссёр. Сережа перешёл на второй курс. Ни звонка, ни телеграммы. Увидев, как я страдаю, мама в первые же выходные отправила меня в город. Помню, как бежала по ступенькам общаги на четвёртый этаж. Как стучала в его дверь. И какую звонкую «пощечину» получила. Серёжа сказал, что мама не разрешает ему... жениться. А раз так, то он больше меня не любит. Видеть меня не желает. И настоятельно просит оставить в покое...

Года два я отходила от шока. Спасала работа. На других мужчин уже не смотрела. В любовь не верила. Но упорно колесила по области в поисках себя. Такой явно потерянной и несчастной тогда была.

А потом встретила его в редакции газеты, в его родном посёлке. За свежим номером Сергея отправила молодая жена. Девушка чем-то походила на меня – кругленькая, бойкая, острая на язычок. Единственное наше отличие было в том, что она приехала на режиссёрскую практику беременной. Я же, имея диплом режиссёра, статус репортёра, опыт и деловые связи, была свободна от семейных уз и обязательств.

В Доме культуры, с которого начались мои трудовые будни, новенькую сразу не влюбились. Там вообще не жаловали молодых, красивых и талантливых. Сонное царство, в котором движением было лишь вязание носков и чаепитие каждые полчаса, нельзя было беспокоить. Мне тогда круто повезло: поработав на «блага» культуры, я сбежала в журналисты, по настоятельному приглашению главного редактора.

И вот теперь представьте себе ситуацию: эта девочка просит помочь. Дескать, нужна статья о её творческой работе, как дополнение к бурной практической деятельности. Ревности

у меня не было. На тот момент сердце уже не было свободно. Да и мальчик Серёжа, женившись по залёту и облачившись в мужицкую робу, заметно упал в моих глазах.

Конечно, я помогла. И получила от «соперницы», образно говоря, пулю в висок. Узнав о том, что у нас с Серёжей когда-то были отношения, девочка распустила обо мне неприятные слухи. Вот только здесь меня уже знали и уважали, не раз видели на большой поселковой сцене, и читали. Серёгиной жёнушке местные быстро прикрыли рот. И хотя мы с ней здесь были одинаково чужие, как бы она ни старалась очернить меня, втоптать в грязь, я всё равно оставалась белой и пушистой.

Чему эта история научила меня, молодую и зелёную? Благодарности. Каждый раз, когда вспоминаю свою любовь, говорю «спасибо» Серёжиной маме. Увы, не была с ней знакома. Но именно она, встав между нами, дала мне возможность не только поплакать, но и познать мир. Даже не могу представить своё будущее в таёжной глуши. Огород, свиньи, коровы, куры. Наверное, моя жизнь неслась бы по этому кругу, не имея возможности сказать мужу и строгой свекрови слово поперёк.

Благодаря Серёже я научилась прощать и отпускать. Пусть не всегда (и не сразу) у меня это получается. Но главное – работать над собой, правда? А счастье... Счастье – это всего лишь маленькая условность. Это миф, который придумали, чтобы утешать. На самом деле счастье – это состояние души. Когда любишь и не держишь зла на прошлое. Когда не связаны крылья за спиной. Когда беды, проблемы и прочие неприятности принимаешь как уроки, а не как наказание. И когда отдаёшь больше, чем можешь принять...

Серёжа. Зелёные глаза и льняные волосы. Нежные руки и тонкие ноги. Улыбка до ушей. Поистине мальчик-колокольчик. Студент-первокурсник, будущий хореограф. Наивный, добрый и чистый. Каким бы ни было наше прошлое, я буду помнить тебя именно таким. Счастья тебе, гармонии... и любви.

Михаллна

Маленькая, тихая деревенька уютно расположилась на берегу Иртыша. Первая от реки улочка состояла из рубленных, чёрных от времени и непогод домиков. Между ними – заросшая травой песчаная колея.

Сверкая на тусклом осеннем солнце крохотными оконцами, домики эти словно клонились к закату с высоты крутого склона, любясь своим отражением в воде... С большака их уже не было видно из-за спин больших, добротных, кирпичных усадеб. Всё новые и новые «плоды» современной цивилизации нахально подступали к избушкам.

В одном из таких домиков давно жила Танька. Татьяна Михайловна. Или просто Михаллна. Так звали её меж собой деревенские.

Она была странной женщиной. Маленького роста. Кругленькая. С пышной, колыхающей при быстрой ходьбе грудью.

Ссутулившись, Михаллна быстро шагала по деревне. Размахивая правой рукой, словно дирижируя в такт. Бормоча что-то себе под нос, Танька хмурилась, складывая трубочкой пухлые, почти алые, но без всякой помады губы. В её глазах, ярко-синих, огромных и детских, бликами отражались опадающие жёлтые листья. Впечатляющая картина из осенних кадров.

Её боялись даже местные мужики. Эта пигалица (посторонние не верили) обладала недюжинной физической силой. И могла дать по физиономии любому двухметровому детине, если считала себя оскорблённой.

Бабы старательно обходили Михаллну стороной. Ведь Танька не терпела сплетен. Могла даже окна побить болтунам – наказание за длинный язык.

На момент нашего знакомства ей было около 40... Она, последняя в многодетной семье, осталась жить с матерью. А когда той не стало, не захотела бросать родительский дом.

Михаллна была сибирячкой. Настоящей, можно сказать, экологически чистой. Не выносила даже запах спиртного и сигаретного дыма. Обожала трескучий мороз. И никогда не болела.

Так она и жила. Скучно, однообразно и одиноко. Пока в её жизнь одним августовским днём не ворвалась я. Молодая режиссёрша, горожанка. Не терпящая застоя и однообразия.

Мне было чуть за 20. Избавившись от родительской опеки, уехав за 400 км от Омска, я оказалась в этой деревеньке в одном из северных районов области.

Я отличалась от местных. Очень. В яркой «лимонной» кофте, в зелёных штанах и красной куртке. С рыжим «ёжиком» на голове.

Моя персона вызывала любопытные взгляды и насмешки. Я стала клоуном для них – больших, пышущих здоровьем людей. И ладно. «Косить» под местную серость не собиралась. Молодая была. Дерзкая.

Меня поселили у Таньки «на квартире». Впервые увидев хозяйку и дом, я притихла. Сникла. Захотелось сразу домой. К маме с папой. В нашу благоустройку с большими светлыми комнатами... Но сдаваться было не в моих правилах. Присмотревшись к Михаллне повнимательней, решила действовать.

Наша с Танькой жизнь очень напоминала гастроли. Я таскала её на репетиции и постановки. Обсуждала костюмы и декорации. Советовалась во всём, давая возможность Михаллне выбраться из своей маленькой «раковины». Глаза этой женщины загорались особым, почти звериным блеском. Она «болела» моими идеями. Она наконец-то проснулась!

Таньке нравилась наша весёлая и яркая жизнь. Плюнув на все деревенские каноны, на новогодней дискотеке она предстала совсем другой. Юбка по колени, облегающая аппетитные полные бедра, и манящее декольте вогнали в ступор всех присутствующих мужиков.

Местный председатель-ловелас (красивый мужчина, «примерный» семьянин и отец двоих детей) тоже не остался в стороне. Несколько дней он ходил кругами у Танькиного дома, противно скрипя хрустящим снегом. «Прогнала!» – торжественно объявила мне хозяйка, от волнения колыхая грудью... И озорно засмеялась, как нашкодивший ребёнок.

Она изменилась не только внешне. Огромные глаза наполнились жизнью, утопив в слезах одной лунной ночью её одиночество. Колокольчиковый смех Таньки звучал повсюду. Перестав хмуриться, Михаллна засияла, как росинка на утреннем солнце.

Заметив перемены, к ней потянулась родня, «забросившая» несносную девчонку, как потрёпанный валенок на полати. К нам в гости стали захаживать Танькины братья. Здоровенные дядьки в возрасте, имеющие детей и даже внуков. Забегали («помочь по хозяйству») племянники с жёнами и ребятишками. Крохотный домик Михаллны постепенно наполнялся музыкой, светом и детскими голосами.

И ко мне изменилось отношение деревенских изменилось. Может, благодаря Танькиному авторитету (способна ведь и в морду дать!). А может, благодаря моим «заслугам» в местном клубе. Женщины стали носить короткие стрижки. Тёмно-зелёные, синие пальто в пол... Впрочем, красить волосы многие не отважились. Но тушь для ресниц появилась почти у всех. Всё чаще стали «ходить» по улицам брюки, маняще облекая изящные женские ножки...

Так что первую мини-революцию в своей творческой жизни я совершила! Правда, броневику под рукой не оказалось. Были лишь огромное желание помочь этим «затюканным» женщинам измениться.

Даже через год, уехав в райцентр играть в КВН, я приезжала в гости к Таньке. Ну как в гости... Дом Михаллны стал для меня родным. Её родня – моей роднёй. Её деревня – моей.

Меня здесь ждали. С любопытством рассматривали наряды и очередное безумие на моей голове.

Меня по-своему любили и жалели. Городская ведь. Коров не доит. Не прядёт. Не шьёт. Пестик от тычинки отличить не может.

С Татьяной Михайловной мы дружим по сей день. Я живу в Омске. Она – за 400 км от города. Но это не мешает нам общаться. Делиться друг с другом радостями и печалью.

Порой так не хватает её смеха. Звонкого, как колокольчик. Не хватает её мудрых слов. И житейского опыта.

Не хватает пушистого белого-белого снега, огромными шапками развалившегося на крышах. Не хватает потрескивающих в печи дровишек и незабываемого запаха хвои. Огромных, как крылья бабочки, снежинок. И Танькиного румянца на круглом, радостном лице.

Когда подрастут мои мальчишки, мы с мужем обязательно повезём их в деревню к Михаллне. Они будут звать её «баба Таня». Учиться носить воду в вёдрах на коромысле. Топить печь. Забирать куриные яйца из гнезда несушек. Кормить овечек. Осваивать всё то, чему они никогда не смогут научиться, живя в городских благоустройках с большими светлыми комнатами...

Заноза

...Мы смотрели друг на друга глаза в глаза. Щука вытаращила матовые зенки, яростно била длинным серым хвостом, пытаясь выскользнуть из крепких рыбацких рук.

– Исполнишь три желания? – спросила я.

Гневно захлопнув зубастый рот, рыба отвернулась и затихла. Обиделась наверное. На Емелю я не похожа, а щука, видимо, не обладала волшебным даром.

Я приехала в маленькое село с красивыми домами и людьми. Здесь был рай для творческих людей. В Доме культуры собрался талантливый театральный коллектив, а в Центре семейного досуга молодёжь играла в КВН.

Бывшее когда-то рыбацкой деревушкой, село сохранило традиции предков. Люди в нём жили открытые и гостеприимные. Здесь умели готовить отменную уху и гнать самогон, по цвету и вкусу напоминающий коньяк. Во многих семьях мужики занимались нехитрым промыслом и... браконьерством. Ведь стерлядь и пушнина всегда в цене. Вот местные и зарабатывали, расставляя по ночам сети в Иртыше, а капканы – в таёжных лесах, начинающихся на правом берегу...

Но с появлением в селе новенького работника прокуратуры спокойная и сытая жизнь для многих закончилась. Север на своём карьерном компасе Марк (так звали следователя) выбрал сознательно.

– Да здесь и работать-то не надо, – говорил он. – Лежи себе на печи да жуй калачи...

Но когда приступил к работе, понял, что калачи жевать будет некогда. Молодого следака загрузили по полной, выдав уйму нераскрытых дел. Надо признать, что Марк был отличным специалистом. Практика давалась ему легко – он раскрывал преступления одно за другим, удивляя руководство и вызывая тихую ненависть местных мужиков. Он стал, образно говоря, занозой на мозолистых руках браконьеров: взятки не брал, угроз не боялся.

Некрасивый, с совиным носом и торчащими ушами, прокурорский работник почему-то пользовался повышенным вниманием у женщин. Туманный взгляд блуждающих серых глаз следака и песни под гитару сводили сельских дам с ума. В романтическом порыве они сдавали мужей и любовников, простодушно выбалтывая Марку тайные места нелегального промысла.

Поселившись в нашей общаге, Марк оперативно провёл досмотр комнат в поисках вкусностей и досуга. Ко мне забежал на чай, к соседке – за любовью, к коменданту дяде Васе – одолжить рубли до полочки.

Парень любил выпить «чистенькой», вкусно поесть и повеселиться. За чужой счёт, конечно. В один из дождливых вечеров мокрый и пьяный Марк постучал в мою дверь. От него пахло самогоном и беляшами. Помешивая ложечкой горячий чай, он плакал, как ребёнок. Устал от ночных дозоров, чередующихся с многодневными пьянками. Устал ночевать в чужих постелях. Устал жить...

Я слушала его и видела другого Марка – обросшего комплексами проблем, беспомощного и очень несчастного. Одиночество. Безысходность. Дальше тупик. Следак ушёл из моей комнаты трезвеей походкой. Высоко подняв ворот длинного чёрного пальто, он стал похож на кавалериста. Ещё бы ему верного коня да шашку наголо...

С того вечера между нами возникла дружба. Он в шутку стал называть меня мамочкой, прятал по карманам мои сладкие заначки и рассказывал свежие байки из жизни прокуратуры.

Каждый из нас был поглощён своей профессией: жили на работе, спали с ней же. Только я играла в команде КВН, пробуя разные образы на сцене, а Марк заигрывался ими в собственной жизни. Ему прочили блестящую карьеру. Его любили женщины. Его даже уважали враги.

И вдруг, в один из тёплых апрельских дней, прокурорский работник влюбился! Впервые наплевав на работу, взял отпуск, чтобы больше времени проводить с ней – тихой маленькой брюнеткой. Перестав пить, парень похорошел, наел щеки и небольшое брюшко. Походка следака стала медленной, ленивой. Из маленького, паршивого котёнка он вырос в сытого, вальяжного кота. Марк вдруг захотел создать семью, есть наваристые борщи и горячие котлетки с поджаркой...

Увы, любовь плохо отражалась на его работе. Марк уже, как говорится, не рвался в бой – больше времени проводил в кабинете, обложившись толстыми папками. Он уходил со службы пораньше – спешил в свою берлогу на уютный маленький диванчик.

Чем закончился тот роман? Был ли он серьёзным и дотянулся до пышной свадьбы? Или это оказалось очередной мальчишеской игрой? Не знаю. Я уехала примерять новые образы, побоялась упустить свою удачу. А Марк остался как бы на распутье: погрязнуть в пьянстве, гулянках и служебных интригах либо жениться по любви, укрепить тыл семьёй и продолжить успешно начатую карьеру следователя.

С той поры прошло много лет... Где сейчас Марк? Погряз в собственных пороках, выбрав шаткий мостик дурной славы? Или служит прокурором, верша судьбы других людей. Может, протирает штаны в одном из кабинетов, жуя калачи в министерской столовке. Не могу сказать. Надеюсь только, что компас помог ему выбрать правильное направление. Хочу верить, что живёт он в ладах с собственной совестью, честен и справедлив. Остался таким же, каким был в самом начале карьеры. Таким, каким его знала я...

Спасибо!

– Это наш маленький Париж, – ухмыльнувшись, сказал водитель пассажирского VOLVO, когда автобус въезжал в таёжный посёлок.

Вот так Париж. Крайняя точка моей творческой географии. Дальше уже дебри тайги. Едва различимые в тумане макушки сибирских сосен звенели, наклоняясь от порывов ветра то вправо, то влево. Красота пейзажа завораживала. Хотелось молчать и слушать.

Очевидно, местные жители так и поступали. Редко впуская посторонних в свой сонный, неспешный мир, они в большинстве своём были молчаливы. Жили на прибыль от сбора орехов, брусники и клюквы. На столе всегда дымились отварная, рассыпчатая картошечка, хрустела квашеная капуста, приправленная лучком и маслицем. Но самое почётное место здесь отводили чаю. Заваривали его по-особенному. Поэтому напиток был крепким, ароматным и слишком.. горьким. Тем не менее вкусным и необычайно бодрящим...

Устроившись на работу в местный Дом культуры, я уже потирала руки в предвкушении бурной деятельности. Но, попав в атмосферу сонного вязания носков, перемежаемого сплетнями и интригами, уже через неделю бежала к местной телеграфно-телефонной точке. Захлёбываясь слезами, моя тонкая творческая натура жаловалась родителям, что не может творить в таких условиях ничегонеделания...

Через несколько дней мне позвонили из редакции местной газеты и пригласили на работу. Потом выяснилось, что папа, журналист такой же районной газеты, но в пригороде, позвонил «на север» и попросил пристроить чадо, авось что-то получится. Так у меня начались настоящие «армейские» будни.

Коллектив редакции был мужской. В холодном, суровом климате (бесконечные дожди, туманы летом и лютые морозы уже с октября) мои коллеги пили горькую, заедая орешками безысходность и вселенскую тоску. Репортажи с заседаний местной администрации да статьи о медицине – вот и весь сухой «суповой набор».

На меня посмотрели снисходительно: ну давай, мол, напиши... Первая моя статеечка была о Центре детского творчества. Прочитав её, ответственный секретарь Николай Николаевич удивлённо поднял густые чёрные брови:

– Недурстве-е-енно.

Он задумчиво посмотрел на свои пальцы. Потом очень тактично отметил кое-какие шероховатости текста статейки, требующие доработки, шлифовки.

С той минуты Николай Николаевич стал поистине моим товарищем, помощником, наставником. Имея за плечами громадный журналистский опыт, он направлял меня, почти не правил написанные мною статьи. И хвалил. Чего нельзя было сказать о редакторе.

За глаза его звали Палычем. Шеф был длинным, нескладным, всё время курил и задумчиво смотрел в окно. Он мало говорил, и в этом угрюмом молчании было что-то жутковатое. Редактор никого не щадил. Особенно Николая Николаевича. К нему у главного была особая

неприятель – полагал, что ответсек метит на его место. Так они и воевали друг с другом, не прерывая словесные баталии много лет: шеф крыл матом, ответсек деликатно и тактично намекал.

Я была на стороне Николая Николаевича и по-своему его жалела. Ответсек никогда не жаловался на обстоятельства. Это был одинокий, с какой-то щенячьей грустью в глазах мужчина. Имея жену – педагога местной школы, бредившую карьерой, и дочь-студентку, на склоне лет вдруг оказался никому не нужен. Красивый, с шикарной чёрной бородой, он напоминал доброго художника из сказки. Ласковая, чуть застенчивая улыбка, тихий голос. И даже ругаться не умел. В словарном запасе этого человека прижились только два ругательных слова: «мартышка» и «редиска».

Николай Николаевич многому научил меня. Менялись редакции, коллективы, шефы, но такого наставника, который отдаёт весь опыт ученику, в моей жизни больше не было. Но я предала Мастера. Сбежала...

Когда поняла, что не смогу выжить в бесконечной тоске северного края (пить вместе со всеми горькую не хотелось), я умчалась к иным «мирам» – в другую редакцию, с молодым, обаятельным шефом и весёлым, дружным коллективом. Палыч меня нехотя отпустил – как никак, а писать научилась интересно и живо. А Николай Николаевич мне в дорогу чаю заварил и отдал большую дорожную сумку...

Спустя несколько лет я приехала в маленький Париж – развеяться от городской суеты. На пару минут заскочила к Николаю Николаевичу. Он заварил крепкий сибирский чай, угостил брусничным вареньем. Мы долго разговаривали, вспоминали рабочие моменты. Показывала ему свои статьи и фотографии. Он как обычно оценивал: «Недурстве-е-енно» и ласково улыбался.

Встреча закончилась, я вновь укатила из северных мест, так и не сказала товарищу, помощнику, наставнику самого главного: слова благодарности за шикарный подарок – помощь в выборе жизненной дороги. Журналистской.

Наши пути разошлись. Но я как прилежная ученица помню наставника. И каждый раз, осваивая новую профессию, вспоминаю слова Николая Николаевича: «ВСЕГДА будь сама собой...» Наблюдая, как люди рядом со мной часто меняют маски, стараюсь «держать лицо». Могу быть неудобной и неудобной, честной, открытой, щедрой... Если жизнь бьёт наотмашь, скулю от боли и отчаяния, зализываю раны и ковыляю дальше. Я взрослею. Нет больше того максимализма, с каким ехала на север «нести культуру в массы». Нет той наивной девочки, стремительно несущейся «за туманом и за запахом тайги»...

Поеду к Мастеру с пачкой чая и медовыми пряниками. Расскажу о своих скитаниях, о счастье и покое, которые обрела, создав семью. Поплачу. Поскучаю по прежним временам. И напоследок, когда буду топтаться в тесной прихожке, тихо скажу ему: «Спасибо». И груз недосказанного наконец-то упадёт с моей трепетной души. Вздохнув с облегчением, вновь отправлюсь покорять неизведанное и интересное. А он, пожелав удачи, будет долго смотреть мне вслед. Ведь какой бы взрослой я себе ни казалась, для него так и останусь Леськой – девочкой, только начинающей познавать жизнь...

Мания преследования

– Убью, тварь! – презрительно прошипел он, сверля меня звериным взглядом.

Меня трясло так, что от страха даже ноги подкосились. Мне впервые угрожали вот так. Напрямую. Глядя прямо в глаза. И сплевывая сквозь гнилые зубы на пол зала суда.

Эта история напрочь отбила у меня тягу к приключениям. Заставила задуматься о цене человеческой жизни и об одном неверном движении, когда можно её лишиться.

Всегда хотела быть в гуще событий. Писать увлекательные репортажи, захлебываясь чувствами от эмоций. Меня манили дорога, скорость, жажда нового и интересного. Когда парни из ГИБДД предложили мне поехать с ними в совместный рейд, с радостью согласилась. Мы сели в неприметные «Жигули» и отправились на поиски приключений, которые ждут попы мальчишек-мотоциклистов, мотающихся без шлемов по деревенским дорогам. На встречи с подвыпившими трактористами, не соблюдающими правила дорожного движения.

Несколько пойманных нарушителей-малолеток. Пару задержанных мужиков в грязных потных майках. Один без прав, второй немного навеселе. Никто из них ожидал сотрудников в форме на тихих, плавающих от палящего солнца улочках.

Вроде бы всё. Я обдумывала заголовок и первые строчки выездного репортажа. Просматривала кадры в фотоаппарате. Вдруг машина резко затормозила, парни выскочили на обочину. Я огляделась. Дорога. Лес. И ни души. Впрочем, нет. Позади «Жигулей» на дороге стоял старенький мотоцикл. И сидящие на нём мужички лихо распивали самогон, пугая блатной феней птиц на деревьях. Увидев спешащих к ним гаишников, они разбежались, исчезли среди огромных сосен.

И всё же одного весельчака гаишники успели поймать. Я выскочила из машины. Приготовила фотоаппарат. Спешила подойти поближе к месту задержания нарушителя. Женя, загорелый черноглазый красавец, обернулся:

– Вернись в машину!

Ещё чего?! Какая машина? Ведь приключение только началось. Щёлкая затвором фотика, я подходила всё ближе. Серёга, напарник Жени, скручивал руки злому дядьке. Тот посылал всех, как говорится, по матушке, обзываясь и брызгая слюной. В тот момент, когда Женя обернулся ко мне, мужик выхватил нож...

Нож видели я и Серёга. А вот для Жени холодное оружие стало большой неожиданностью. При свете полуденного солнца всё это смотрелось потрясающе. Словно кадры из крутого боевика, чуть замедленные для меня, но слишком быстрые для Жени. Серёга успел схватить мужика за руку. Вместе парни затолкали преступника на заднее сиденье «Жигулей». Пристегнули наручниками с обеих сторон. И помчались в райцентр, спеша «сдать» злодея милиции и оказать раненому товарищу медицинскую помощь.

Я ехала рядом с водителем и медленно приходила в себя. Несмотря на зной, меня трясло словно от холода. Возможно, по моей вине чуть не убили ножом красивого молодого парня.

Когда вошла в кабинет начальника ГИБДД, расплакалась. Крепкий чай с коньяком. Заботливо поданный носовой платок. Мы ещё раз просмотрели кадры с места происшествия и решили удалить их. От греха подальше.

Этот репортаж так и не вышел. Посоветовавшись с редактором, я ограничилась информацией о прошедшем рейде. Написала о количестве остановленных поп и важности присутствия мотоциклетных шлемов на головах юных нарушителей ПДД.

Лето закончилось. История с задержанием пьянчужки позабылась. Пришла дождливая осень, принёсшая повестку в суд. Меня приглашали свидетелем по делу. Оказалось, старенький «Урал» захмелевшая компашка угнала у какого-то деда. Тот злодей с ножом уже имел за плечами не одну ходку: был осуждён за разбой, кражи и грабежи. А тут ещё и нападение на сотрудника ДПС. В общем, хотели закрыть бедолагу всерьёз и надолго.

...Я его даже не узнала. Бритый наголо, с волчьим взглядом, он вошёл в «клетку», устоял в пол. Когда вызвали меня для дачи показаний, резко поднял голову, обозвал тварью, презрительно харкнул на пол у своих ног. Это был зверь, а не человек. Уголовник, который грозил поквитаться со мной, стервой. За рассказ о задержании, о ноже.

С того дня у меня началась «мания преследования». Боялась ходить по тёмным улочкам, оставаться одна в квартире. Я почему-то ждала блеска стали у себя за спиной. Думала, что кореша отомстят за посаженного дружка. Впервые в жизни поняла, каково это – бороться со злом и несправедливостью. И всё чаще стала отказываться от выездных рейдов. Предпочитала писать статьи со слов очевидцев, выуживая скудную информацию из сухих милицейских отчётов и сводок.

Тяжесть вины перевесила тягу к приключениям. Я стала обычной редакционной сотрудницей, которая строчила короткие новостюшки и маленькие зарисовки о людях дела, посещала мирные культурно-массовые мероприятия. Впрочем, интерес к криминалу так и не угас. Опасные для здоровья выезды заменила на маленькие истории, которые писала по материалам законченных уголовных дел. Изменяла имена «героев» и лихо закручивала сюжет. Довольны были все. Редактор – тем, что я находилась на рабочем месте. Читатели – тем, что появилось криминальное чтение на сон грядущий. А прокуратура и милиция – красочными отчётами о частых упоминаниях в прессе.

Карлсон

...Это был Карлсон. Немного подряхлевший. Располневший. Но такой же весёлый и заводной. В жизни – обычный фотокор, который со скукой отбывал рабочие будни в одной из районных газет. С круглым животом, большущими усами и давно нестриженными седыми космами. Выпивал. Дымил папиросками, как паровоз. Носил очки с огромными «плюсовыми» линзами и брюки-шаровары на подтяжках. Обожал местные сплетни, семечки и собственное пространство, которым служила каморка для печати фотографий.

Такие персонажи есть в каждой редакции. Обычно они не приносят весомой пользы, но выгнать этих людей рука не поднимается. Работает ведь человек, старается. Какое-то время и мы так же думали о Николае Фёдоровиче, считая его типичным пьяницей, невзрачным обывателем без особых достоинств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.